

2007

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА

13 МАЯ 1981

Сегодня читатели знают о М. А. Булгакове гораздо больше, чем пятнадцать лет назад, когда был опубликован роман «Мастер и Маргарита». Расширяется усилению исследователей и старательных любителей наше представление об объеме литературного наследия писателя, о его личности. Здесь весьма важно — собрание свидетельств очевидцев. И самые ценные из них — свидетельства близких участников его жизни...

В 1970 году я имела радость познакомиться с первой женой М. А. Булгакова Татьяной Николаевной Кисельгоф (урожд. Лаппа), человеком редкого душевного обаяния. Мы не раз встречались с тех пор, и Татьяна Николаевна рассказывала о Михаиле Афиногеновиче.

Так были записаны обширные воспоминания, охватывающие в основном 1908—1924 годы, но освещающие и некоторые эпизоды последующих лет, частично публикуемые сегодня.

В памятный день кажется важным дать услышать читателю Булгакова слово той, которая помнит его гимназистом, студентом, молодым врачом — сначала в земских больницах, а потом во все более и более причудливых ситуациях 1918—1921 годов: они отразились в самом названии одного из первых написанных рассказов Булгакова — «Необыкновенные приключения донтора».

Когда говоришь с людьми, знавшими писателя в юности, трудно бывает добраться до впечатлений именно тех, ранних лет, мешают наслоения позднейшего времени, писатель заслоняет того, кому только предстояло стать писателем...

Воспоминания Татьяны Николаевны ценны тем, что сохраняют отпечаток первых впечатлений. И, однако, за бесхитростно рассказанными ею фактами биографии проступают сюжетные мотивы будущих произведений.

Так, в эпизодах жизни Булгакова в Киеве 1918—1919 годов читатель увидит первооснову некоторых сцен «Белой гвардии», «Дней Турбиных», рассказа «Я убил» и др.

По-видимому, они познакомились летом 1908 года, когда Булгаков перешел в 8-й класс Киевской первой гимназии.

Татьяна Николаевна рассказывает:

Я приехала из Саратова в Киев на летние каникулы к родной сестре отца, Софье Николаевне Давидович — приятельнице Варвары Михайловны Булгаковой.

Тетка сказала: «Я познакомлю тебя с мальчиком. Он тебе покажет Киев».

Гуляя почти все время одни; были в Киево-Печерской

лавре. Потом переписывались. Я должна была приехать на рождество, но родители не пустили почему-то — в Киев послали брата Женю, а меня — в Москву, к бабушке. А в это время Мишин друг, Саха Гвездинский, прислал телеграмму: «Телеграфируйте обманом приезд Миши стреляется». Отец сложил телеграмму и отослал в письме сестре: «Передай телеграмму своей приятельнице Варсе»... Приехала я в Киев только в 1911 году, в августе, после окончания гимназии, и уехала уже после убийства Столыпина, в начале сентября. Михаил в это время был студентом и еще ходил на какие-то курсы — то ли это были курсы, связанные с кино, сниматься он, что ли, собирался... Но что-то не получилось... У Булгаковых были в Киеве «нечётные субботы» — собиралась молодежь, танцевали, пели. Коля и Ваня (младшие братья. — М. Ч.) играли на балалайке, а потом во все более и более причудливых ситуациях 1918—1921 годов: они отразились в самом названии одного из первых написанных рассказов Булгакова — «Необыкновенные приключения донтора».

В 1912 году он курса не кончил, остался в второй год и снова приехал летом в Саратов. Потом мы вместе уехали в Киев... Его мать вызвала меня к себе: «Не женись, ему рано». Но мы все же повенчались — в апреле 1913-го. Венчал нас о. Александр в церкви Николая Доброго, в конце Андреевского спуска.

Мы ходили в Купеческий сад на каждый симфонический концерт, в театр. Он очень любил увертюру к «Руслану и Людмиле», к «Аиде». Больше всего любил «Фауста» и чаще всего пел куплеты Мефистофеля «На земле весь род людской» и ариозо Валентина. Вот это у меня как-то осталось в памяти. Булгаков не учился музыке, но умел наигрывать. Он играл 2-ю «Венгерскую рапсодию» Листа — не всю, но кусками... Любил Вагнера, «Полет валькирий».

Чем жили? Отец присылал мне деньги, а Михаил давал уроки... Мы все сразу тратили... Киев тогда был веселый город, кафе прямо на улицах, открытые, много людей... Вообще к деньгам он так отнёсся: если есть деньги —

надо их сразу использовать. Если последний рубль и стоит тут лихач — сядем и поедем! Или один скажет: «Так хочется прокатиться на авто!» — тут же другой говорит: «Так в чем дело — давай поедем!» Мать ругала за легкомыслие. Придем к ней обедать, она видит — ни колец, ни цепи моей. «Ну, значит, все в ломбарде!» — «Зато мы никому не должны!»

В 1914 году поехали на лето в Саратов. Там застала война. Мама организовала госпиталь при Казенной палате (отец Т. Н. был управляющим Казенной палатой. — М. Ч.), и Михаил поработал там... Весной

Т. КИСЕЛЬГОФ

ГОДЫ МОЛОДОСТИ

1916 года поступил в Киевский госпиталь, госпиталь переводили в Черновицы, также — Каменец-Подольский. Я ездила к нему — кажется, в конце лета. Потом уехала — и получила от него телеграмму; опять поехала к нему. Он встречал меня в Орше, в машине. Солдаты спросили пропуск, он протянул рецепт — они были неграмотные.

В сентябре Булгакова срочно вызвали в Москву и вручили направление в Смоленскую губернию. Они отправились вдвоем.

В Никольское приехали поздно, никто, конечно, не встречал. Там был двухэтажный дом врачей. Дом этот был закрыт; фельдшер пришел, принес ключи, показывает — «вот ваш дом». И в первые же дни привезли роженицу. Я пошла в больницу вместе с Михаилом. Роженица была в операционной; конечно, страшные боли; ребенок шел неправильно. И я искала в учебнике медицинском нужные места, а Михаил отходил от нее, смотрел, говорил мне, что искать... Никольское было даже не село, а имение — напротив больницы стоял по-

луразвалившийся помещичий дом — и все. В Вязьме, куда мы потом попали, помещику, он и начал писать: писал только ночами... Я спросила как-то: «Что ты пишешь?» — «Я не хочу тебе читать. Ты очень впечатлительная — скажешь, что я болен...» Знала только название — «Зеленый змий»...

По-видимому, об этом рассказе, начатом еще в Киеве, вспоминала сестра писателя Н. А. Земская: «...рассказ «Огненный змий» — об алкоголизме, допнящемся до белой горячки и погибшем во время ее приступа: его задушил (или съел) вползший к нему в комнату змей (галлюцинация)».

К 90-летию со дня рождения М. А. БУЛГАКОВА

на стол, старалась влезть к нему! Я открыла дверь, он закричал: «Не входи! Я крысу гоняю!» Мы травили их сулемой...

Один раз пришли синезупанники. Обуты в дамские боты, а на ботах шпоры... И все надушены «Кёр де Жаннет» — духами модными. «У вас никто не скрывается?» Кого-то они искали. Смотрят — никого нет. Как раз Михаил собирался уйти, он в пальто был. Они полезли под стол, под кровать, посмотрели туда-сюда, потом говорят: «Идем отсюда, тут беднота, ковров даже нет. Тут еще квартира есть

— может, там лучше!» И пошли вниз — к архитектору этому, у которого снимали квартиру (Василию Павловичу Лисогвичичу. — М. Ч.). Вот там они разошлись! Мы потом это узнали. Там ковры были... А у Булгаковых было очень просто.

Собиралась ли у нас тогда молодежь? Собиралась... Пели, играли на гитаре... Михаил аккомпанировал и дирижировал даже... В это время у них жил Судзиловский — такой потешный! У него из рук все падало, говорил невпопад. Он помню, то ли из Вильны он приехал, то ли из Житомира. Ларюсик на него похож. А Мышлаевский похож на Сынгаевского, Николая. Он был высокий, красивый, мечтал всю жизнь о балете. Не женат. Его мобилизовали, ходил на позиции — вот тогда, когда юнкера ходили и к петлюровцам попали в ловушку... Михаил тоже ушел, потом вернулся, сказал, что все было не готово, генералы их предали, все побросали и ушли. И все кончено — петлюровцы уже вошли в город... Варин муж, Карум, уходил с немцами. Но

в Германию Карум не уехал, он быстро появился. Михаил Карума терпеть не мог и тот его тоже. Его можно узнать в Тальберге в «Белой гвардии». И вообще все эти события там описаны.

...Его мобилизовали сначала синезупанники. Я куда-то уходила, пришла — лежит записка: «Приходи туда-то, принес то-то, меня возьми». (Он пошел отметить, его тут же и взяли.) Прихожу — он сидит на лошади. «Мы уходим за мост — приходи туда завтра!» Пришла, принесла ему что-то. Потом дома слышу — синезупанники отходят. В час ночи

звонок. Мы с Варей побежали, открываем: стоит весь бледный... Он прибежал совершенно невменяемый, весь дрожал. Рассказывал; его уводили со всеми из города, прошли мост, там дальше столбы или колонны... Он отстал, кинулся за столб — и его не заметили... После этого заболел, не мог вставать. Была температура высокая. Наверно, это было что-то нервное. Но его не ранили, это точно.

Осенью 1919 года пришла повестка от белых; он нигде не служил, занимался практикой. Он пошел отменяться, и его мобилизовали. Дали френч, шинель и отправили во Владикавказ. Я его провожала. В Киеве я жила без него недолго, меньше месяца... Получила от него телеграмму из Владикавказа и поехала. Предупредили: если в Екатеринославе махновцы — поезд разгромят. Боялась, конечно... Скоро Михаила отправили в Грозный — одного, без госпиталя. Я поехала с ним. Раза два-три ездила с ним в перевозочный отряд под Грозный. Добиралась до отряда на тачанке, черед высокую кукурузу. Кучер,

я и Михаил с винтовкой на коленях — давали с собой, винтовка все время должна была быть наготове. Там была женщина-врач, заведующая этим перевозочным отрядом, она потом сказала — «сникаких жен!». Он стал ездить один. Уезжал утром, на ночь приезжал домой. Потом жили в Беслане — не доезжая Владикавказа. Все время жили в поезде — в теплушке или купе. Знакомых там не было. Вообще там ничего не было, кроме арбузов. Мы целыми днями ели арбузы... Потом вернулись во Владикавказ.

Через несколько лет, в автобиографии 1924 года, Булгаков напишет: «Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, еду в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали». Можно думать, что город этот — Грозный, где в ноябре 1919 года появилась в газете его первая публикация...

Михаил съездил в Пятигорск на сутки. Вернулся: «Кажется, я заболел». Снял рубашку, вижу: насекомое. На другой день — головная боль, температура сорок. Приходится очень хороший местный врач, потом главный врач госпиталя. Он сказал: «Если будем отступать — ему нельзя ехать». Однажды утром я вышла, и вижу, что город пуст. Главврач тоже уехал. А местный остался. Я бегала к нему ночью, когда Михаил совсем умирал, закатывала глаза. В это время — между белыми и Советской властью — в городе были грабежи, ночью ходить было страшно... Когда выздоровел, немного окреп — пошел в подотдел. Там был уже Юрий Слезкин, он приехал с красными. Организовался русский театр. Слезкин предложил Булгакову делать вступительное слово перед спектаклями. А я служила там статисткой. Театр денег не платил — только выдавали постное масло и огурцы... Подотдел ему тоже не платил... Только за пьесы платили... Когда «Братья Турбины» (Т. Н. провозносит «Турбины». — М. Ч.) поставили — на банкет все деньги ушли... Жили на мою

золотую цепь — отрубили по кусочку и продавали...

Летом 1921 года театр закрылся, артисты разъехались, подотдел искусств расформировался. Михаил поехал в Тифлис — разведать почву. Потом приехала я. Ничего не выходило... Мы продали обручальные кольца.

Потом мы приехали в Батум, нашли комнату. Я тут же купила букет магнолий — я впервые их видела — и поставила в комнату. Легли спать — и я проснулась от безумной головной боли... Мы жили там месяца два, он пытался писать для газет, но у него ничего не брали. О судьбе своих младших братьев он тогда еще ничего не знал. Помню, как он сидел, писал... По-моему, «Записки на манжетах» он стал писать именно в Батуме. Когда он обычно работал? В земстве писал ночами... в Киеве писал вечерами, после приема. Во Владикавказе после возврата тифа сказал: «С медицинской покончено». Там ему удавалось писать днем, а в Москве уже стал все время писать ночами.

...Потом Михаил сказал, чтоб я ехала в Москву и ждала от него известий. «Где бы я ни оказался, я тебя вызову, как всегда вызывал». Но я была уверена, что мы расстанемся навсегда, плакала.

В начале сентября Т. Н. приехала в Москву. Вскоре Булгаков покинул Батум и 17 сентября добрался до Киева. Через некоторое время он был в Москве; в автобиографии 1924 года он напишет: «В конце 1921 года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда».

Рассказ Т. Н. о первых годах московской жизни Булгакова в доме на Б. Садовой, где жену его называли «быстрая дэмочна» («Я всегда бежала на наблукках — то на Смоленский рынок что-нибудь выменять, то еще куда-то»), — тема особая. Елена Сергеевна Булгакова, которой суждено было стать вдовой писателя, рассказывала, что Булгаков «никогда не сказал о Тасе ни одного дурного слова». В 1940 году мучительно умиравший Булгаков послал свою младшую сестру Лелю за Татьяной Николаевной — он хотел попросить у нее перед смертью прощения. Но Татьяна Николаевна уже не было в Москве.

Запись и комментарии
М. ЧУДАКОВОЙ